

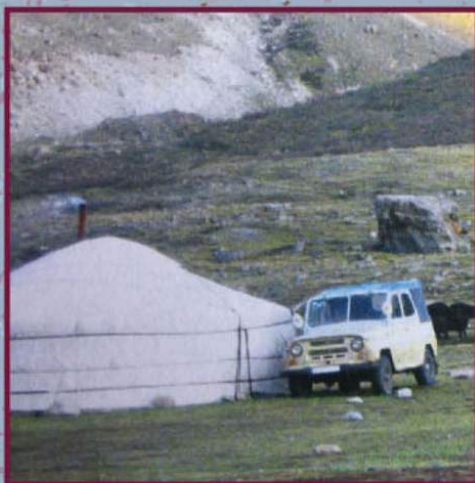
ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

122

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

70

СУДЬБА КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ

Исторические исследования

Коллектив авторов

**Судьба кочевых обществ
в индустриальном и
постиндустриальном мире**

«Алетейя»

2018

УДК 39
ББК 63.5

Коллектив авторов

Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире / Коллектив авторов — «Алетейя», 2018 — (Исторические исследования)

ISBN 978-5-907115-24-8

В коллективной монографии рассматриваются проблемы изменений в быту и культуре народов, сохранивших до сих пор кочевые традиции в хозяйстве и образе жизни. Авторы стремятся оценить возможности встраивания кочевых культур в воспроизводственные связи современного постиндустриального общества, от чего зависит их будущее как культурных феноменов. Особое внимание уделено изменениям в структуре социальных связей кочевников в эпохи модерна и постмодерна на примере народов России и сопредельных стран. Издание рассчитано на историков, культурологов, социальных антропологов и этнологов, студентов и аспирантов, специализирующихся в области истории, социологии, антропологии.

УДК 39
ББК 63.5

ISBN 978-5-907115-24-8

© Коллектив авторов, 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

В. В. Карлов	6
А. В. Головнёв	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире

© Коллектив авторов, 2018

© Исторический факультет МГУ, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

В. В. Карлов

Феномен кочевничества и постиндустриальный мир: перспективы совместимости

Кочевые народы и их образ жизни, их хозяйство и социальный строй неоднократно становились предметом исследования в гуманитарных науках. По данным вопросам накоплен весьма внушительный материал как в отечественной, так и в мировой историографии. История становления номадизма начиная с эпохи бронзы, перипетии жизни кочевых народов, включая особенности их взаимодействия с иными цивилизациями и обществами вплоть до периода модернизации в разных регионах мира, основательно исследованы. Отмечалось, в частности, то обстоятельство, что до начала нового времени кочевники-номады во взаимоотношениях с соседними оседлыми народами и их государствами нередко имели преимущества, обусловленные такими факторами, как мобильность и четко отлаженная военная организация, легкость перехода от мирного состояния к военному. Все это часто определяло подчинение оседлых обществ кочевыми, завоевание или установление даннических отношений. Однако с переходом к эпохе модернизации оседлых народов соотношение сил принципиально изменилось, технический прогресс, включая развитие военной техники и вооружений, стал основанием для полного превосходства оседлых цивилизаций и государств над кочевыми соседями¹. С этого времени кочевники должны были или продолжать вести традиционный образ жизни, по сути консервируя систему натурального жизнеобеспечения с эпизодическими лишь выходами для обмена части продукта на промышленно-ремесленные изделия, или перестраивать хозяйство с ориентацией на обменные отношения с экономикой модерна, так или иначе вписываясь в систему связей индустриально-торговой цивилизации.

Результаты такой интеграции оказывались весьма различными². Тем не менее, в ряде регионов Евразии и Африки, отличающихся аридным климатом, как и на субарктическом севере, в пустынных пространствах тундры, где концентрация населения, занятого современными видами хозяйства, затруднена из-за отсутствия прочных коммуникаций и суровости природной среды, население с подвижным образом жизни продолжало существовать.

Возникает закономерный вопрос: как с культурно-исторической точки зрения оценивать подобные реликты номадизма? Суть ли они пережиточное явление в развитии человеческой цивилизации или же их можно считать продуктом трансформации кочевого хозяйства в экономических условиях эпохи модерна? Представляется, что однозначного ответа на этот вопрос даже по отношению к уже в целом завершившейся стадии модернизации все же не существует: уж слишком разными оказались условия бытия и функционирования обществ кочевников в разных регионах мира. Тем более неясны перспективы выживания кочевых народов путем их интеграции в современную постиндустриальную цивилизацию, когда все страны и народы в той или иной степени перестраивают основы своего бытия под некие общие для человечества правила и институты глобального характера.

Конечно, от того, насколько адекватно реалиям окажется встраивание каждого народа и государства в новую складывающуюся систему жизнедеятельности, будут зависеть перспективы воспроизводства народа или страны. Но в отношении кочевников эта перестройка во всей полноте ставит вопрос о том, смогут ли они не только вписаться в формируемую новую систему адаптации человечества в среде обитания, но и выработать такие механизмы своей

---

¹ Крадин Н. Н. Кочевые общества в контексте социальной эволюции // Этнографическое обозрение, 1994, № 1, С. 62–72.

² Карлов В. В. Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации // Сибирские исторические исследования, 2016, № 4. С.132–144

адаптации, которые позволяют им воспроизводить себя как культурно-исторические феномены. Ведь кочевые общества, сохраняя мобильность хозяйственной жизни и быта, в немалой степени продолжали и продолжают опираться как на отработанные веками способы и приемы взаимоотношений с природной средой, так и на особый характер социальных связей. Насколько эти основания жизнедеятельности смогут сочетаться или уживаться с информационно-технологической спецификой функционирования постиндустриального общества – вопрос открытый. Тем не менее, он не только имеет право на существование, но и должен быть в полной мере поставлен социальными науками.

Очевидно, что поиски ответа на такие сложнейшие вопросы следует начинать с анализа перестройки (или адаптации) кочевых народов и их способов хозяйствования к новым обстоятельствам их бытия. В особенности новыми, связанными не только с вступлением человечества в стадию постмодерна, но и с принципиальной сменой политического строя и организационных форм хозяйственной жизни, эти процессы выглядят для кочевников прошлого и настоящего, живших в странах социалистического лагеря (СССР, Монголия). Поэтому совершенно закономерен интерес этнологов и антропологов к тем переменам в сфере жизнедеятельности народов, занятых подвижным скотоводством, в таких районах России как Тува, Бурятия, тундры севера Западной Сибири и Чукотки, Казахстан, Киргизия и Монголия. Этим темам были посвящены специальные разделы ряда профессиональных журналов: «Этнографического обозрения», «Вестника антропологии», «Сибирских исторических исследований» и других, в которых выступили крупнейшие отечественные и зарубежные исследователи кочевых культур (Н. Н. Крадин, А. В. Головнев, А. М. Хазанов и другие)³. Среди них можно выделить подборку материалов в № 2 «Этнографического обозрения» за 2016 г. под редакцией А. М. Хазанова, фактический итог которым редактор подвел в «Вестнике антропологии» на следующий год.

Итоговая публикация А. М. Хазанова справедливо призывает специалистов по ному-дизму к дискуссии о будущем кочевничества и его носителей в современных условиях. К чести автора, он не уклоняется от многих спорных и весьма острых с социально-политической точки зрения суждений и оценок, понимая, что неизбежно может вызвать возражения и критику со стороны коллег-антропологов. Так как объектами аналитических материалов о судьбах подвижного скотоводства и занятого им населения в названных выше публикациях стали пост-социалистические общества России и сопредельных с ней государств, то закономерным представляется сопоставление специфики организации производства при социализме и изменений в этой сфере за пару десятилетий после социализма. И авторы материалов по отдельным регионам и народам, и итоговый анализ А. М. Хазанова точно отражают ключевые проблемы и сложности перемен. Среди них, в частности, возникшие противоречия между «пережиточными» формами коллективной организации хозяйства и производства (разного рода кооперативами) и новыми частными скотоводческими хозяйствами фермерского типа, отсутствие

---

³ Экономика мобильных скотоводов в посткоммунистических странах: Хазанов А. М. От редактора, с. 5–7; Крадин Н. Н. Процессы трансформации скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX – XXI вв., с. 8–27; Баскин Л. М. Современное оленеводство в России: состояние, мобильность, права собственности, патернализм государства, с. 28–43; Грей П. А. Современное состояние оленеводства на Чукотке, с. 44–56; Жапаров А. З. Современное состояние скотоводства в Кыргызстане, с. 57–74; Янзен Й. Экономические перемены в монгольском скотоводстве в период трансформаций, с. 75–82 // Этнографическое обозрение, 2016, № 2. Хазанов А. М. После социализма: судьбы скотоводства в центральной Азии, Монголии и России // Вестник антропологии, 2017, № 2, с. 45–85; Коренные народы Севера – горожане арктических широт: Функ Д. А. Введение к специальной теме номера, с. 8–14; Бэлзер М. М. Коренные космополиты, экологическая защита и активизм в Сибири и на Дальнем Востоке, с. 15–38; Хаховская Л. Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана, с. 39–59; Маслов Д. В. Этничность и бюрократия: заметки о солидарности коренных малочисленных народов Республики Алтай, с. 60–82; Надь З. «Пиво с мужским характером»: пиво и его локальное значение, с. 83–94; Мамонтова Н. А. Кочевание на просторах Интернета: репрезентация эвенкийской культуры online, с. 95–125 // Сибирские исторические исследования, 2014, № 2; Кочевники в мире модерна и постмодерна: Карлов В. В. Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации, с. 131–153; Головнев А. В. Риски и маневры кочевников Ямала, с. 154–171; Солдатова А. Е. «Может, его призвание – тайгу знать на «пять»»? Образовательные траектории цаатанов и тувинцев-тоджинцев, с. 172–184 // Сибирские исторические исследования, 2016, № 4.

четких законов и правил владения и пользования пастбищами, несоответствие ценовой конъюнктуры между продукцией животноводства и целым рядом необходимых производителю промышленных товаров, что часто делает производство убыточным, бюрократические сложности взаимоотношений животноводов с местными властями, социально-имущественное расслоение и уже возникшие диспропорции и противоречия между богатыми и бедными скотовладельцами, между хозяевами и наемными пастухами, и многое другое.

Если же коротко резюмировать позицию А. М. Хазанова по кругу вынесенных на обсуждение проблем, то его мнение сводится в основных чертах к тому, что социалистический вариант организации жизни кочевых народов с хозяйственно-экономической точки зрения был неэффективен и экстенсивен, отличался низкой производительностью и громоздкой формой организации, ограничивавшей как мобильность, так и социальный и хозяйственный прогресс. Поэтому, по его мнению, единственным перспективным вариантом развития хозяйства населения аридных и субарктических районов остается частное хозяйство фермерского типа, эта форма не имеет альтернативы. При этом автор хорошо понимает, о чем честно и открыто говорит, что этот вариант не может быть благоприятен для всего населения, успешными будет только часть хозяев, остальных же ждет обнищание и участь наемных рабочих или переселение в города. Для облегчения участи последних государству необходимо создать систему профессиональной ориентации на иные, не традиционные, виды труда.

По убеждению автора, мотивы антропологов и этнологов, ратующих за сохранение и поддержание традиционных культур номадов, не учитывают реального значения рыночных механизмов современного общества, которым сопротивляться бессмысленно и, в сущности, вредно для самого населения, хотя такая позиция чаще всего объясняется самыми добрыми побуждениями. На деле же максимальное приобщение к современной цивилизации также безальтернативно. А традицию нельзя понимать как нечто неизменное и застывшее, она постоянно развивается.

С замечанием относительно подвижности и изменчивости традиции, на мой взгляд, нельзя не согласиться. Но ряд других положений анализа А. М. Хазанова нуждается в обсуждении. Наиболее спорным мне представляется тезис о безальтернативности рыночной экономики и ее механизмов. Особенно применительно к обществам номадов. И совсем не потому, что я выступаю в данном случае как бы с позиции принципиального анти-рыночника, но потому только, что, по моему глубокому убеждению, человечество как феномен природы вообще не смогло бы возникнуть и существовать на земле (да и до сих пор не может) без поисков альтернативы условиям существования и способам адаптации к ним. Альтернатива, только и прежде всего она, помогла привести к рождению человеческой цивилизации и ее прогрессивному развитию. И какими бы эффективными сегодня ни выглядели механизмы рыночной экономики, если человечество на том остановится, большой вопрос, сможет ли оно развиваться далее и сохранится ли вообще. Но это – самое общее соображение. Чтобы лучше понять альтернативы для кочевников, надо более внимательно посмотреть на действительно не всегда и не везде эффективную систему жизни кочевников при социализме, и оценить все же ее значение для их истории в XX веке.

Мне уже приходилось отмечать, что опыты включения кочевого хозяйства в рыночные отношения у разных народов Российской империи, которых в XIX и начале XX в. было немало, имели довольно противоречивые результаты с точки зрения перспектив функционирования некоторых из них как культурно-исторических феноменов. С одной стороны, социально-имущественное расслоение дало возможность более зажиточной части получать современное профессиональное образование и благополучно включаться в сферу интеллектуальных высококвалифицированных занятий. Но одновременно на другом полюсе обнищание нередко приводило большую часть народа к люмпенизации, а порой и полной деэтнизации. Чем бы эти тенденции завершились – вопрос открытый, произошла социалистическая революция, пре-

рвавшая незавершенный процесс. Можно только предполагать, опираясь на известные в мире случаи, когда подобные процессы шли естественным путем, что, возможно, могла бы произойти профессионализация национальной культуры и социально-демографической структуры, свойственная процессам модернизации, в среде некоторых из таких народов. Однако при таком развитии было бы фактически неизбежно исчезновение нomaдизма как образа жизни народа. Но возможен и другой вариант, когда социальная поляризация нередко приводит к постепенной и довольно естественной ассимиляции в иноэтничной среде обоих социальных полюсов общества. В таких случаях всё обычно зависит от развитости национально-этнических форм социальной инфраструктуры и степени функциональной потребности разных слоев общества в образовании и культуре не фольклорного, а профессионального уровня.

После социалистической революции первый вариант развития, естественно, был исключен. Не стал развиваться и второй (во всяком случае, в полной мере, хотя межэтническая маргинальность у части бывших кочевников нередко имела место). Возникает вопрос, какая же альтернатива включения кочевых народов в общество модерна осуществилась в результате при строительстве социализма. А то, что советская власть сознательно ставила задачу форсированной модернизации страны – несомненно. Правящая партия прекрасно отдавала себе отчет в том, что иного пути у страны нет, иначе страна исчезнет. И поначалу форсирование процесса индустриализации нередко оборачивалось рядом грубых ошибок в социальной политике, которые порой вели к трагическим последствиям. Среди них можно назвать недостаточно продуманную линию перевода кочевников на оседлость и принудительное обобществление скота. Для казахов это принесло огромные и невозполнимые потери. А среди ненцев вызвало упорное сопротивление, вплоть до восстаний, с жестокостью подавленных.

Однако с течением времени, постепенно, по мере становления структуры плановой экономики страны и ее отраслей, ситуация в чем-то существенно изменилась. Включение целых отраслей, в том числе и экстенсивного скотоводства, в регулируемые государством сверху процессы обмена в масштабе страны результатами и продуктами специализированной деятельности позволило сохранить традиционную специализацию хозяйства, а во многом и немалую долю специфики в быту, значительной массе скотоводов разных регионов. Одновременно же ликвидация неграмотности и развитие образования на национальных языках, политика коренизации управленческого аппарата и прочие меры «подтягивания» ранее отсталых народов до уровня передовых» (как тогда называлась такая политика) создали объективные довольно благоприятные условия для социальной динамики в том числе представителям и кочевых народов. Имеется в виду возникновение у них и рост занятости в иных видах деятельности, свойственных индустриальной цивилизации, альтернативных традиционному кочевому скотоводству: занятость в сфере промышленности, массовых профессий, требующих высшей квалификации (медицина, образование), создание интеллигенции научной и творческой. В советской историографии все эти изменения достаточно подробно были описаны, хотя нередко, конечно, не без некоего идеологического акцентирования.

Если же идеологические акценты отбросить и попытаться оценить реальное значение всех таких новаций эпохи модернизации, нелишне будет сделать акцент на том, что в анализе судеб кочевых обществ и кочевого хозяйства в социалистический период обычно опускается. Речь идет не просто о социальной динамике, а о характере воспроизводства у кочевых народов как этнокультурной целостности. А именно: при всех недостатках советской системы организации производства и быта, невозможно отрицать, что как раз огосударствление всех отраслей хозяйства и организация обмена их продуктами в масштабе страны позволили кочевым народам в результате более или менее гибко и плавно встроить свою животноводческую специализацию в отраслевую структуру СССР без резкого и чреватого социальными противоречиями слома хозяйственной специфики и основ быта. И параллельно с этим в национальных районах, особенно имеющих статус союзных или автономных республик, были созданы отрасли совре-

менной культуры профессионального уровня, причем в той или иной степени на национальной основе (хотя, разумеется, эта степень была разной в разных сферах деятельности). Иными словами, включение бывших «чистых» кочевников в цивилизацию модерна, при всех известных издержках, создавало при этом варианте возможности относительно полноценного этнокультурного воспроизводства кочевых обществ, без резкого слома хозяйственных традиций, но и без безальтернативной привязки индивида именно и только к традиционному укладу жизни, с сохранением возможности социальной динамики и выбора. В хозяйственном же отношении командно-административная система тоже имела ряд своих плюсов: хотя отчасти волонтаристскими методами, не экономическими по сути, а «сверху», но в интересах массы населения, занятого в том числе в животноводческой отрасли, регулировалась ценовая политика, государство брало на себя и обеспечивало функционирование необходимой инфраструктуры, как экономической, так и социальной (энерговооруженность, снабжение, сферы медицинского обслуживания и образования, зоотехническая служба, и т. д.). О возникших острейших проблемах в жизни населения районов, где и в постсоциалистические годы сохраняется подвижное животноводство, но где при этом произошел частичный или даже полный уход государства из некоторых таких сфер, красноречиво сказано в упомянутых выше очерках коллег.

Вопрос о принципах и специфике этнокультурного воспроизводства раньше и теперь имеет, кроме хозяйственного ракурса, не менее важный для кочевников ракурс социально-организационный. Бытие этих народов во все времена опиралось на определенные, хотя и довольно разнообразные и подвижные, формы коллективности. Они начиная с глубокой древности почти у всех кочевников Евразии базировались на структуре генеалогического древа, которая давала кочевнику очень четкое понятие о том, кто свои, а кто нет, насколько партнер по общению более или менее близок, и как, в соответствии с этим, следует с ним себя вести⁴. При этом структура генеалогического древа тоже обладала способностью варьировать в зависимости от обстоятельств: в случаях весьма нередкой в условиях кочевой мобильности перетасовки родо-племенного состава населения с относительной легкостью к дереву добавлялись новые боковые ответвления включением реального или легендарного предка новичков (адаптируемого рода или подразделения) в местную генеалогию.

Еще большей способностью к вариациям может характеризоваться такая уже в древности возникшая форма взаимоотношений между семьями кочевников, как раздача скота на выпас, если семья хозяина обойтись своими силами была не в состоянии (она известна у очень многих кочевых народов под разными названиями, но в научном обороте обычно фигурирует казахское ее наименование саан/саун). При том, что условия приема скота на выпас порой существенно отличались, они очень сильно зависели в числе прочего от степени родства или соседства между заключающими такой договор хозяевами. Поэтому в старой литературе можно было встретить широкий спектр трактовок сущности сауна, от родственной взаимопомощи до

---

⁴ В. В. Бартольд по этому поводу писал следующее: «Кочевой народ при нормальных условиях не стремится к политическому объединению; отдельная личность находит для себя полное удовлетворение в условиях родового быта и в тех связях, которые создаются жизнью и обычаем между отдельными родами, без каких-либо формальных договоров и без создания определенного аппарата власти. Общество располагает на этой стадии развития народа такой силой, что его воля исполняется не нуждаясь для этого в поддержке со стороны властей, которые располагали бы определенными законными полномочиями и определенной внешней силой принуждения». Далее В. В. Бартольд говорит о том, что появление ханской власти было сопряжено с напряженной борьбой и насилием, нередко большим кровопролитием, нежели при нападениях кочевников на оседлые районы, большинство же кочевого населения только вынуждено было мириться с подчинением ханам. Во всем этом одной из причин была сословная борьба (то есть выделение родо-племенной знати), в нормальных же условиях кочевники удовлетворялись сложившейся системой социальной связи родственно-соседского характера и не нуждались в какой-либо государственной надстройке. // *Бартольд В. В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии*. М.: Изд-во «Ломоносовъ». 2016, с. 9–11. Такая «естественная» самоорганизация кочевого сообщества в какой-то степени прошла через все стадии бытия кочевников, включая индустриальную. Поэтому неудивительно, что и в современную эпоху кочевые народы могут опираться на традиционные социально-организационные институты и даже в чем-то их укреплять при возникновении конкретной ситуации ослабления официальных (государственно-административного уровня) связей и структур.

способа фактической эксплуатации бедноты чуть ли не капиталистического типа. В данной системе хозяйственных отношений личностный фактор имел далеко не последнее значение: близкий родственник по укоренившейся практике обычно имел более льготные обязательства перед хозяином скота, мог не только безвозмездно пользоваться молоком, мясом и шерстью, но и оставлять себе приплод, появившийся за период выпаса. Тогда это нередко было вариантом родственной взаимопомощи. Отдаленное же родство, а тем более его отсутствие, влекло за собой обязательства довольно тяжелые для принявшего скот на выпас, вплоть до фактического статуса наемного пастуха, работавшего только за еду.

В условиях развития товарного производства до революции 1917 г., когда уже разбогатевшие скотоводы были ориентированы на рынок и получение прибыли, сохранение традиционной обычно-правовой практики делало для них крайне невыгодными отношения сауна с близкой родней. Постепенно в ряду зажиточных хозяйств практика обычного найма пастухов стала все больше укореняться. Причем это происходило в типологически схожих формах и у степных скотоводов, и в областях преобладания крупностадного оленеводства на сибирском севере. То есть полномасштабное развитие подобных тенденций вполне могло бы обернуться деструкцией общинных коллективистских порядков, с другой же стороны, такой путь подключения к экономике модерна, по-видимому, неизбежно мог привести к сложностям в воспроизводстве кочевых обществ как этнокультурных феноменов. Альтернативой их деэтнизации, вероятно, могло бы быть только их сохранение как неких заповедников традиционализма.

Период строительства социализма по отношению к обществам кочевых скотоводов с точки зрения социально-организационной базировался на по крайней мере двух принципиальных факторах: отход от частной собственности на основную массу скота, его обобществление государственными или кооперативными объединениями, с закреплением за ними пользования пастбищами, и развитие и поддержание принципов коллективности в производстве и распределении. Коллективность общинного типа, разумеется, в политико-идеологическом понимании должна была смениться коллективизмом трудового народа, сознательных и совместно с товарищами по классу идущих к новой жизни социалистических тружеников. Но это в теории. На практике же целенаправленная политика деструкции родственно-общинных отношений и структур властями не проводилась. По-видимому, интуитивно власти понимали, что населением такая практика была бы отторгнута. Напротив, коллективистские начала и приверженность им населения, особенно в первые десятилетия строительства социализма, скорее выглядели неким подспорьем в организации хозяйственной жизни. Нередко связи родственно-соседского характера использовались или даже лежали в основе комплектования бригад, подразделений, и т. д. Хотя, с другой стороны, со временем пережитки родо-племенного сознания оборачивались и очевидным недостатком кадровой политики, когда социальная динамика зависела не столько от деловых качеств работника, сколько от его родственных отношений с начальством. Время от времени на местах приходилось принимать соответствующие постановления и вести с этим борьбу, хотя бы номинально. Таким образом, можно констатировать, что родо-племенная структура и соседско-родственные связи с их функциональной важностью в бытовой сфере, в структуре деятельности кочевника при социализме в целом не теряли значения, хотя, разумеется, их традиционное место в образе жизни в какой-то степени стало менее существенным, будучи отчасти потеснено некоторыми новыми вертикальными и горизонтальными взаимосвязями в социалистическом социуме.

Ныне же очередной, постсоциалистический, период ломки сложившихся экономических и социальных отношений на первый взгляд стал временем реставрации рыночной системы, и, если вопрос только в этом, по имеющимся материалам относительно того, как происходило приспособление традиционного хозяйства к рыночной экономике ранее, можно было бы предполагать, что ожидает кочевников в перспективе. Но проблема еще и в том, что индустриальное общество с ориентацией производства и потребления главным образом на внутринаци-

ональные государственные связи (особенно в агро-промышленной сфере) для мира в целом этап уже пройденный. Постиндустриальное общество периода глобализации в функционировании системы производства и потребления предлагает миру в чем-то существенно отличную систему связей, где над локальным, региональным и государственным интересом начинают превалировать не внутринациональные воспроизводственные структуры, а глобальные сетевые связи и интересы.

В таком современном развороте ориентации производства на рынок (если под рынком иметь в виду не местные базары, а серьезную товарную специализацию как одно из важнейших условий хозяйственной жизни и быта) уже заложено очевидное противоречие. Когда глобальная экономика начинает диктовать развитие и расширение производства в самых востребованных рынком продуктах скотоводства, последствия прогресса производства не всегда бывают предсказуемыми и приемлемыми для норм воспроизводства хозяйства кочевников. Такое уже произошло, в частности, в связи со спросом на ангорский пух, что повлияло на рост в Монголии поголовья коз и, соответственно, на повышение благосостояния владельцев крупных стад. А следствием стала деградация пастбищ, часть которых надолго просто выпала из оборота. Надо иметь в виду, что как в аридных, так и в субарктических зонах естественные природные кормовые ресурсы для животноводства в принципе очень хрупки и уязвимы, и перевыпас для пастбищ сопряжен с риском их временной утери. Восстанавливаются они долго и с трудом. Ведь практика пользования пастбищами с сохранением основ воспроизводства кормовой базы для скота формировалась все же в условиях ориентации хозяйства кочевников на натуральное самообеспечение. Но глобальному рынку – такова его природа – эти проблемы не интересны. А вскоре еще и рыночная конъюнктура изменилась, мода на ангорскую шерсть прошла. Производитель же потерпел урон как из-за падения спроса, так и из-за проблемы переориентации хозяйства в условиях истощения пастбищ.

Поэтому, возможно, фермерское хозяйство для успешного владельца скота как индивида сейчас, действительно, может выглядеть как оптимальная форма организации производства (хотя все же не безальтернативная). Но большие сомнения вызывает вопрос о том, сможет ли система фермерства сохранить кочевничество в аридных зонах как специфический особый уклад и образ жизни. Нетрудно представить, что менее успешные хозяева (которых все же будет большинство при реализации данного пути развития) предпочтут участи батраков переселение и поиск занятий совсем иного рода, например, в промышленности. Ведь общество эпохи постмодерна в таком плане предоставляет для человека куда больший выбор, нежели он был у кочевника-бедняка на заре встраивания кочевых народов в индустриальный мир. Тем более, что нынешний кочевник благодаря развитию еще при социализме образования и культуры информирован о мире и возможностях трудоустройства несравненно лучше, чем его предки. Конечно, государственная помощь в перепрофилировании занятости «лишних» для фермерского хозяйства людей, несомненно, только поспособствует этим процессам. Но в итоге ведь всё вполне может обернуться только запустением областей, где проживало кочевое население. Тогда фермерам, здесь оставшимся, возможно, придется переходить к вариантам найма работников «вахтовым методом». Но это уже из области предположений.

Относительно возможностей перепрофилирования занятий населения на не связанные с подвижным скотоводством виды труда необходимо также заметить, что такая вероятность существует больше гипотетически, даже если государства, куда относятся районы расселения кочевников, найдут для этого средства и создадут нужную систему подготовки. Подготовить работников, не связанных с животноводческим хозяйством – это ещё не решение проблемы их иной занятости на местах обитания. То есть если эти люди, получив подготовку, уедут из родных мест, они, конечно, работу смогут найти. Но какие современные специальности могли бы им позволить остаться, это очень большой и трудно решаемый вопрос, даже с учетом того, что современная система коммуникаций допускает территориальную разобщенность

работников. Все имевшиеся опыты подключения населения аридных районов или субарктических широт к современным профессиям в промышленности или сфере услуг всегда упирались в одну проблему: если большая доля жителей этих мест будет занята такими видами труда, то кто тогда будет заниматься их жизнеобеспечением? Ведь легко и просто решаемые в других условиях такие вопросы за счет ввоза, например, продовольствия, здесь из-за удаленности и отсутствия налаженных транспортных коммуникаций просто моментально делают любой род занятий (кроме традиционных видов труда) абсолютно убыточным. Особенно это касается населения севера, где любая община должна концентрировать именно в своей собственной среде способы своего обеспечения пищей, то есть оставаться максимально самодостаточной единицей. Непонимание такого элементарного «закона жизни» севера, вылившееся в свое время в непродуманную политику ломки микроареального расселения и природопользования путем укрупнения поселений, хотя и делалось это как будто в благих целях (лучшие возможности для образования, медицинской помощи, стационарное жилище) привело в итоге к противоположным результатам: к нарушению нормального воспроизводства северных этносов, когда сконцентрированные в крупных поселках вчерашние таежники и тундровики превращались в неприкаянных живущих случайными заработками люмпенов, проникнутых иждивенческими настроениями из-за положенных представителям малочисленных народов льгот. В более доступных в транспортном отношении аридных районах подобных проблем хотя и меньше, но и их жители полностью от них не избавлены.

Кроме аспектов экономико-хозяйственных, для оценки перспектив кочевых обществ в мире постмодерна не менее важна группа вопросов, касающихся социальной организации. Номадизм как особый уклад всегда, как выше уже отмечено, базировался на разных, но довольно многочисленных, специфических формах коллективности. Остроту данной проблеме придает сознательная линия идеологов современного глобализма на расшатывание оснований традиции и сообщества, хотя та или иная традиция и принадлежность к сообществу всегда были (и остаются) обязательным условием бытия и воспроизводства любого социума. Освобождение от традиции и сообщества видится теоретикам глобализма неким высочайшим достижением современной цивилизации, верхом индивидуальной свободы личности, о чем откровенно сказал американский социолог директор Института по изучению экономической культуры при Бостонском университете П. Бергер. Сравнивая между собой разные сферы культурной глобализации, он отметил: «Если и есть аспект, который присутствует во всех этих сферах, то это индивидуализация: все сферы зарождающейся глобальной культуры способствуют независимости индивида от традиции и сообщества»⁵.

Сказанное Бергером есть, разумеется, одна из ведущих идеологических составляющих политики глобализма, значение которой, хотя и мотивировано заботой о человеческой свободе, имеет и вполне очевидное прагматическое содержание: управлять людьми в их любых сочетаниях очевидно проще, если «свободные индивиды» руководствуются ситуативным интересом и не слишком озабочены ориентацией на нормативы и ценности, связывающие их с традицией и сообществом. Но это уровень идеологии и его воздействия на общество, которое может быть или не быть успешным. Есть, однако, в системе воспроизводственных механизмов современного мира и объективная сторона, благодаря которой формируется по крайней мере возможность существования индивида без опоры на привычные для индустриального общества стабильные социальные связи. Это рождение принципа функционирования современной постиндустриальной цивилизации, названное некоторыми экономистами «эргатической системой», – некое триединство «индивид – социум – техника», или функциональная цепочка связи, позволяющая индивиду решать свои жизненные проблемы и удовлетворять потребно-

---

⁵ Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М. Аспект пресс. 2004, с. 16.

сти с опорой на современную техническую базу и при посредничестве социума, представленного организациями и институтами узкоцелевого назначения. Для нормального бытия индивида в структуре таких отношений необходима, разумеется, лишь определенная финансовая состоятельность.

Подобного рода новации постиндустриального мира делают эргатическую связь вполне доступной для любого успешного в материальном отношении индивида, в том числе и вышедшего из среды кочевых обществ. Такие люди и примеры уже имеются. Однако для нашей темы о перспективах встраивания кочевников в постиндустриальную цивилизацию здесь особо важен вопрос о том, будет или нет такое включение части социума в эти связи работать на воспроизводство кочевых народов как культурно-исторических феноменов. Хотя материала на сей счет пока слишком мало, но в целом все же можно представить, что успешное включение в мировые связи подобных индивидов чаще всего оборачивается их приобщением к сетевым структурам и связям элитарного характера. То есть, по существу, просто выпадением из круга проблем и насущных жизненных интересов собственного народа. Поводов думать, что кто-либо из среды успешных предпринимателей или финансистов со временем обратится к меценатской деятельности, к сожалению, немного. Хотя такой вариант все же не исключается.

Этап трансформации условий бытия бывших и нынешних кочевников в современных обстоятельствах пока только в фазе становления, процесс изменений еще набирает скорость, и хорошо просматриваемых тенденций для определения перспектив пока мало. Из них в экономике можно констатировать только очевидный рост имущественного и социального расслоения. Старые социально-профессиональные идентичности со сломом социалистического уклада жизни оказались во многом утраченными или расшатанными. Но такое состояние неопределенности и нестабильности, как справедливо отмечал В. А. Ядов по поводу крушения советского строя, резко увеличивает потребность человека в социальных связях (солидарности, идентичности, принадлежности к группе), так как нетерпимость к неопределенности есть одна из самых сильных психологических характеристик человека, способствующая его адаптации в жизни. Это нередко ведет к возникновению новых групповых связей или возрождению старых идентичностей и связей в новых условиях, причем с усилением их роли и значения в сравнении с прошлым, что убедительно проиллюстрировал, например, С. Хантингтон, объясняя корни исламского фундаментализма на Ближнем Востоке в конце XX в. утратой прежних общинных связей в новой урбанизируемой среде⁶.

Последнее обстоятельство и определило в основных чертах круг освещаемых вопросов участниками нашего проекта. Проблемы функционирования хозяйства достаточно полно описаны в названных выше публикациях коллег. Кроме того, эти сюжеты требуют длительных кропотливых полевых исследований на местах. Но, на наш взгляд, сопутствующие изменениям в хозяйстве процессы перемен в социально-культурной сфере жизни кочевых обществ в не менее важной степени могут определять перспективы сохранения, как и изменения, основ бытия кочевых народов. Поэтому, полностью отдавая себе отчет в том, что в рамках одного проекта целостную картину изменений такого рода показать практически невозможно, мы посчитали важным попытаться уловить тенденции перемен в некоторых довольно деликатных аспектах жизни населения скотоводческих районов широкого круга евразийских пространств, не претендуя на полноту, но стремясь подметить новые явления и тенденции. Среди них: новые или видоизмененные старые штрихи духовной жизни (культовые практики и состав их участников, связанные как с исламом, так и с иными верованиями); ориентация на те или иные образовательные потребности, как своего рода индикатор социальных перемен; взаимосвязь между продолжающим вести скотоводческое хозяйство населением и осевшими на землю соплеменниками; степень модернизации быта оленеводов и их потребности в заимствованиях; тенден-

---

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 2006, с. 144–145.

ции изменений в семейном быту и его нормировании. Некоторые из этих сюжетов описаны авторами статей на локальном материале, на основе опыта собственных полевых исследований, поэтому они не представляют какой-либо единой картины. Мы, однако, надеемся, что даже эти как будто разрозненные иллюстрации из жизни разных кочевых народов тем не менее в совокупности помогут осмыслению сложных и динамичных изменений бытия таких культурно-исторических сообществ и пониманию круга проблем, связанных с перспективами их адаптации в стремительно меняющемся мире на постиндустриальном этапе жизни человечества. Ведь процесс перемен, связанных со становлением новых способов адаптации в среде обитания, только еще набирает обороты, а такие времена не слишком удобны для серьезного научного анализа. Но наука о народах и их культурах тем более обязана попытаться осмыслить грани и характер происходящих процессов в целях формулирования задач их последующего изучения.

А. В. Головнёв

Коренные обитатели ямальской тундры: между кочеванием и оседлостью

Кочевники-оленоводы Российской Арктики и Субарктики сталкиваются сегодня с теми же вызовами и искушениями, что и номады других регионов мира. Главным образом речь идет о технологиях и стандартах оседлости, трудно сочетаемых с ритмами и ценностями повседневной мобильности. В экономике номадов заметна смена механизмов самообеспечения и контроля над ресурсами схемами зависимости от рынка и внешних поставок. В экологическом измерении это сокращение и реконфигурация населенных кочевниками открытых пространств ввиду их застройки, промышленного освоения и загрязнения. Эти воздействия могут быть как прямыми, в виде давления численно и статусно превосходящего оседлого населения и его культуры, так и опосредованными, в широком спектре вариантов «искушения оседлостью», от карьерных перспектив до льгот на благоустроенное жилье.

Всем народам Арктики свойственна высокая мобильность, особенно кочевникам-оленоводам, среди которых самыми протяженными миграциями и устойчивостью кочевой традиции отличаются тундровые ненцы. Поэтому Карская Арктика, или тундра Ямала, оказывается лучшим местом для изучения северного номадизма. Ненцы – классические номады, круглый год и всю жизнь движущиеся со своими оленями по тундре от границ леса до морского побережья. Немногие группы на планете сохранили, подобно ненцам, не только кочевую традицию, но и самобытность в полном смысле слова – самодостаточность (автономию) в экономике, транспорте, социальных регламентациях, религии. Ненецкая культура пережила войны и революции, не утратив основы своей независимости – кочевания. В советское время она сохранилась, несмотря на настойчивые попытки властей перевести кочевников на оседлость ради удобства управления. Часть ненцев осела в поселках и городах, но осталось и многочисленное тундровое кочевое сообщество:

около 40 % ямальских ненцев занимаются оленеводством и ведут кочевой образ жизни (численность ненцев на полуострове Ямал – свыше 10 тыс., в Ямало-Ненецком автономном округе – около 30 тыс., всего – 45 тыс.).

Поголовье оленей в Ямало-Ненецком округе в последние годы колеблется между 600 и 700 тыс., при этом частное стадо превышает общественное: в начале 2015 г. общественных оленей было около 300 тыс., частных – 370 тыс. (всего 670 тыс.), в начале 2016 г. общественных – около 305 тыс., частных – 425 тыс. (всего более 730 тыс.). Правда, картину доминирования частных дают главным образом гыданские оленеводы: в Тазовском районе частное поголовье почти в пять раз выше общественного: на 2016 г. из 243 тыс. гыданских оленей было 194 тыс. частных и 47 тыс. общественных. В Ямальском районе успехи частных скромнее (точнее, позиции муниципальных хозяйств сильнее): в начале 2015 г. из 235 тыс. оленей 153 тыс. числилось в общественных стадах, 81 тыс. – в частных;

в начале 2016 г. из 255 тыс. общественных было 159 тыс., частных – 94 тыс. (остальные отнесены к разряду «фермерских», тоже по существу частных).

Сегодня искушение оседлостью для ненцев исходит во многом от нефтегазовых компаний, которые ведут в тундровых поселках так называемое компенсационное строительство, предлагая кочевникам сменить тундровые странствия на удобства оседлой жизни. В какой-то мере к переходу на оседлость располагает и глобализация с ее информационными технологиями и комфортом «виртуального кочевания, не выходя из дома». Однако ненцы до сих пор обнаруживают стойкую приверженность своей культуре, которая может быть рассмотрена не как рудимент первобытности, чудом уцелевший на окраине земли, а как устойчивый феномен,

испытывавший атаки и соблазны цивилизации, но сохранивший свои конкурентные преимущества (по крайней мере для самих кочевников).

Ямальская тундра примечательна и контрастным сочетанием прочной традиции и мощной инновации: здесь предприятия ТЭК ведут интенсивную разведку и добычу углеводородов, а по тундрам кочуют пастухи со стадами оленей. При этом обе отрасли являются брендовыми для региона, который позиционирует себя как первенствующий в мире по добыче природного газа и оленеводству. Иначе говоря, здесь можно вести речь не о predetermined победе «нового над старым», а о сложной конкуренции традиции и новации, не лишенной перспективы выработки новых подходов и технологий.

Кочевые технологии

Ненецкая кочевая культура обладает рядом особенных характеристик, соотносимых с высокой мобильностью:

- Ментальность движения, предусматривающая восприятие кочевья как благополучия, а оседлости как противоестественного состояния бедности, болезни, кризиса; мотивация движения как залога превосходства и успешной самореализации.

- Стратегии и технологии движения, в том числе миграций и выпаса стад, предусматривающие высокую скорость и маневренность; использование обширного пространства тундры, лесотундры и тайги в качестве сложной экологической ниши и ресурсной базы для жизнеобеспечения.

- «Оленье мышление» как сопереживание и взаимная поддержка человека и оленя, их совместный ход мысли и ход действия, выражающиеся в передвижении, кормлении, охране; человеку комфортны место и время, ритм и состояния, органичные оленю.

- Система контроля над природным и социальным пространством, включая лидерство и следование, координацию миграций, ориентацию в географическом пространстве, эффективную коммуникацию в родственно-соседской сети.

- Этика взаимопомощи на основе родства, соседства и партнерства, чередования и дополнения усилий мужчины и женщины, а также межличностной конкуренции, повышающей персональную ответственность в динамике кочевок и стоянок.

- Состязательность в скорости, маневренности, быстроте решений в повседневности, детских играх и празднествах с их популярными соревнованиями (гонки на упряжках и снегоходах, борьба, прыжки, конкурсы «национальной одежды» и др.); в фольклоре воспеваются мобильность эпических героев и богов, в наши дни поощряется культ скорости и мода на скоростной транспорт (снегоход, квадроцикл и др.).

- Установка на активность и неприятие пассивности, умение мобилизовать и мобилизоваться, персональная ответственность по всему спектру деятельности от лова оленей и увязки нарт до выполнения культового жертвоприношения.

- Эстетика движущегося стада оленей, напряжения гонки, пейзажа открытого пространства, пластики шкуры и меха⁷.

Вся ненецкая культура – кочевой трансформер, перемещающийся в слитном пространстве-времени. Изменчивость в различных ритмах и измерениях, в состояниях динамики и статики – не только способность, но и заданность кочевого движения. В годичном цикле трансформация состоит в смене конфигурации тундровых кочевий от лета к зиме (зимой они сосредоточены в южной тундре и лесотундре, летом – рассредоточены по просторам тундры с захватом ее северных и приморских окраин). В точке перехода от лета к зиме, называемой по («дверь»; так же обозначается и весь год), происходит замена летнего снаряжения на зим-

---

⁷ Голови́ев А. В. Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2(55). С. 6–15.

нее; тем самым кочевье полностью переодевается и переоснащается. В повседневности самым очевидным выражением трансформера является превращение кочевья в стойбище и наоборот. Если оленеводческое хозяйство совершает до 120 перекочевов в год (как это делают, например, самые «дальнобойные» северные ярасалинские бригады), то усредненный ритм этой трансформации равен двум долям стойбища и одной доле кочевья (два дня остановки, один день перекочевки), а полный пространственно-временной оборот стойбище – кочевье – стойбище составляет три дня. У малооленных и краткомаршрутных хозяйств этот ритм может составлять 5–7 дней. Кроме того, зимой ритм значительно (на порядок) замедлен – на это время приходится своего рода «сон кочевья». Стадо оленей – тоже своего рода трансформер, пульсируя по численности и составу в цикле прихода (приплода) и расхода, «природа оленя» преобразуется в «культуру ненца».

Вся система ямальского оленеводства представляется по-своему трансформером, меняющим конфигурацию в пространстве-времени. Устойчивость и одновременно динамизм тундровой хозяйственной системы придавали магистральные миграции богатых оленеводов (тэта), а в советское время – совхозных бригад, охватывавшие все пространство тундры от морского побережья до границ леса. Помимо тэта, часто выступавших в роли родовых вождей (ерв), оленеводством были заняты средне- и малооленные хозяйства, совершавшие менее протяженные миграции. Кроме того, из числа тундровиков составлялись сезонные промысловые группы охотников на пушного зверя и морского зверя, которые передавали своих оленей на выпас оленеводам, а сами сосредоточивались на промысле, сообразуя с его нуждами свои перемещения (например, зимую в тундре). Полуавтономно вели себя и рыболовы, сезонно оседавшие на богатых угодьях лесотундры и тундры, обменивая свой улов на услуги пастухов (по выпасу их небольших стад). Многие оленеводы оставляли по ходу кочевий сезонные промысловые группы, подбирая их (с добычей) на обратном пути. Таким образом, тундровая оленеводческая система включала крупностадное ядро, связывавшее своими протяженными миграциями все пространство полуострова, и периферию, включавшую сателлитные группы малооленных пастухов, охотников и рыболовов. Вне связи с оленеводческим ядром периферийные группы не могли существовать; в свою очередь тундровое оленеводство нуждалось во вспомогательных звеньях, дополнявших его на уровне обмена и потребления продукцией промыслов, а на отдельных этапах хозяйственного цикла – совместными усилиями и средствами; в кризисных ситуациях промысловые станы служили убежищем для разорившихся оленеводов. Согласно ценностным установкам, каждый «сидячий» тундровый промысловик стремился «подняться на каслание» (нарастить поголовье стада и сделаться пастухом), но в случае бедствия (эпизоотии, гололеда, волчьей потравы, лихоимства соседей) оленевод мог осесть на промысловых угодьях⁸

---

⁸ Голови́ев А. В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 94–108.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.